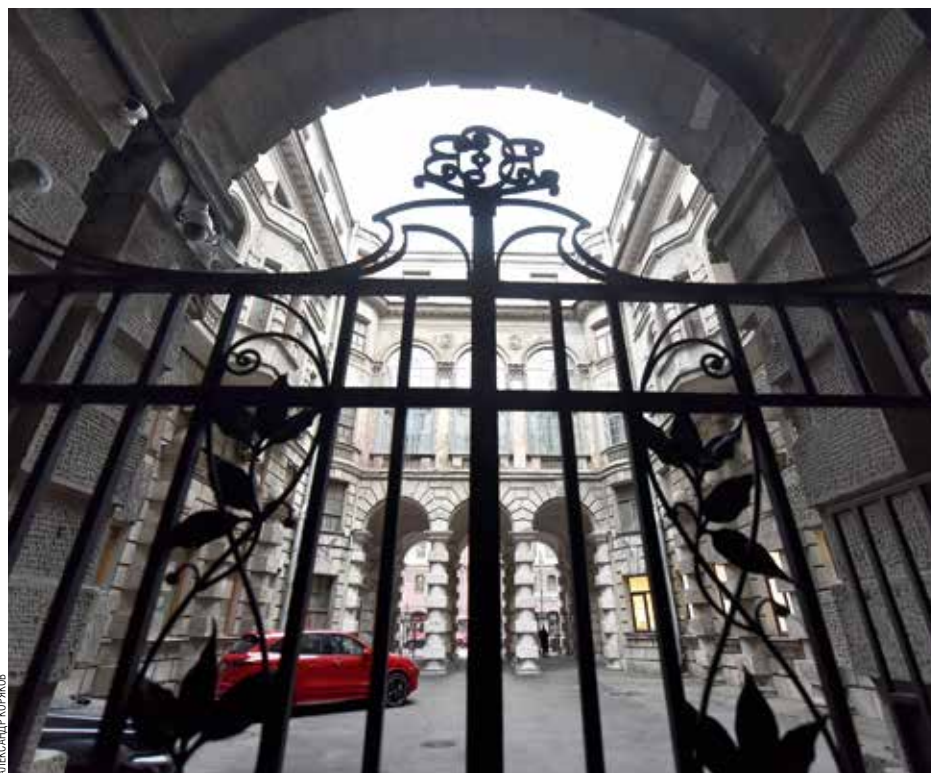

ПАЛАЦЦО ДЛЯ АРАБСКОГО ЭМИРА

НА ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПРОСПЕКТ ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЫ ИЗ ВЫСОКОЙ АРКИ ВЫЕЗЖАЕТ ЗОЛОТИСТЫЙ «РОЛЛС-РОЙС». СЛЕДОМ ЗА НИМ — РАЗБИТАЯ ЗЕЛЕНАЯ «ЛАДА». ЗА РУЛЕМ ЭТИХ МАШИН — СОСЕДИ: ЖИЛЬЦЫ ДОМА ЭМИРА БУХАРСКОГО. В ЛЕВОЙ ЧАСТИ ЭТОГО ОГРОМНОГО ПЯТИЭТАЖНОГО ЗДАНИЯ — КОММУНАЛКИ. В ПРАВОЙ ЧАСТИ — ДОРОГИЕ АПАРТАМЕНТЫ. АЛЕКСАНДРА ЯХОНТОВА

Дом 44 Б на Каменноостровском проспекте появился в Петербурге за три года до Октябрьской революции. Его для последнего эмира Бухары Сейида Алим-хана, которому пожить там так и не удалось, построил архитектор Степан Кричинский. Этот зодчий и сам был мусульманином и незадолго до того, как приступить к строительству особняка, поучаствовал в проектировании соборной мечети неподалеку, которую городу подарил тот же самый эмир.

В глазах прохожего дом Эмира Бухарского в ряду остальных зданий на Каменноостровском выделяется прежде всего отделкой фасада. Он облицован широким мрамором, привезенным с Урала, — больше нигде в Петербурге этот материал для отделки зданий не применяли. Если посмотреть на дом с противоположной стороны проспекта, станет видно, насколько в целом он отличается по стилю от окружающей эклектики: это неоклассическое здание, на бельэтаже которого расположены коринфские колонны, а у основания — мощные, нарочито грубые рустованные столбы. Три арки, расположенные на центральной оси здания, ведут в закрытый кованой решеткой двор. Ровно над ними, на уровне третьего и четвертого этажей, — еще три арки, которые ограничивают утопленную вглубь лоджию. Стоит узнать о том, для кого этот дом строился, и воображение сразу рисует восседающего на лоджии эмира и прогуливающихся наложниц, хотя эта картина плохо вписывается в петербургский климат и окружающий антураж.

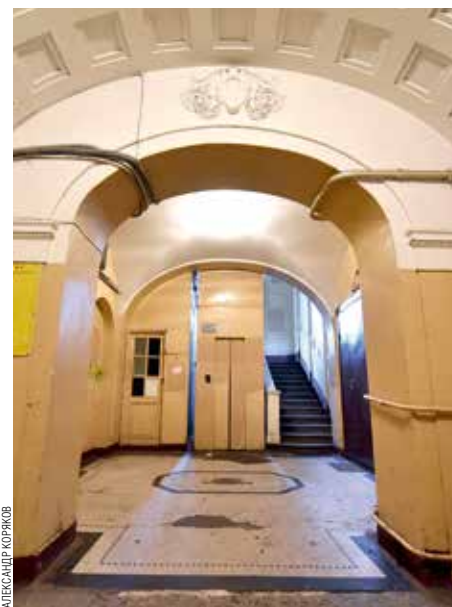

У РЕШЕТКИ ЯВНО СОВРЕМЕННЫЙ ВИД

Искусствоведы не раз замечали, что дом Эмира Бухарского напоминает флорентийское палаццо, неизвестно как оказавшееся в дождливом северном городе и неизвестно почему построенное для арабского властителя. Старший научный сотрудник Российского института истории искусств Иван Саблин отмечал,

что Степан Кричинский в принципе был склонен без особых дискуссий потакать любым капризам заказчиков: захотелось эмиру палаццо — значит, будет палаццо. «Для англomана Щербова он строит в Гатчине дом в духе движения „искусств и ремесел“, для графа Воронцова-Дашкова — классическую русскую усадьбу в Шувалово, для императора — древнерусский сказочный городок (казармы у Александровского дворца в Царском Селе). Такая способность подстроиться под любой вкус гарантировала Кричинскому изрядную популярность, но зодчим первого ряда он, конечно, не был», — рассказывал искусствовед изданию The Village.

Первая мировая война помешала Кричинскому достроить особняк. На главном фасаде, выходящем на Каменноостровский проспект, вдоль третьего этажа, по замыслу зодчего, должна была идти балюстрада, но от нее пришлось отказаться. Стволы колонн на ризалитах, чтобы ускорить процесс, выполнили не из мрамора, а из дерева. Достраивали здание уже в 50-х годах прошлого века, впрочем, без особых изысков. После революции этот дом постигла та же участь, что и другие петербургские особняки. Огромные квартиры величиной в целый этаж превратились в коммуналки, а вместо наложниц эмира в доме расквартировали первый пулеметный запасной полк Петроградского военного округа.

ТАКАЯ ПАРАДНАЯ — НЕ РОСКОШЬ, А ВПОЛНЕ ОБЫДЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕТЕРБУРГСКИХ ЗДАНИЙ

Превратилась в коммуналку и квартира на пятом этаже дома, где до 1923 года жил сам архитектор Степан Кричинский. Уже через год после его смерти квартиру дали одному из большевистских функционеров, тот поселил в ней семью, члены семьи, чтобы не платить излишки сверх санитарной нормы, пригласили жить знакомых, некоторые прописывали вместе с собой прислугу — так квартира стала коммунальной, рассказывает в книге «Очерки коммунального быта» преподаватель Европейского университета Илья Утехин. Он сам раньше жил в этой квартире и вспоминает, что она была огромной — в длинный коридор, который вел от прихожей к людской и кухне, выходило 11 дверей, а на крыше была собственная терраса. На этой террасе, по воспоминаниям Ильи Утехина, часто дежурили милиционеры — с нее отлично просматривался Каменноостровский (тогда — Кировский) проспект.

Внутри коммуналки в советское время еще оставались следы роскоши — на барской половине квартиры, где жил Илья Утехин, стены были отделаны ореховыми панелями, в других квартирах сохранились изразцовые печи. В парадных же о том, что дом строился для арабского правителя, напоминает немного: резные деревянные двери заплотаны кусками металла, мраморные стены исписаны граффити, с лепных потолков свисают на проводах голые лампочки. Кстати, лепниной в виде цветов и ваз, переполненных фруктами, парадные украшены щедро: видимо, она была призвана напоминать жильцам дома об изобилии Востока.

Кстати, кроме Степана Кричинского, в доме до революции жили и другие знаменитые люди — например, Дмитрий Отто, создатель Имперского клинического Повивально-гинекологического института в Петербурге. Иронично, что сейчас на первом этаже дома Эмира Бухарского располагается районная женская консультация. Напротив нее — кованая дверь, которая ведет в единственную парадную, где не осталось коммуналки: часть квартир в доме выкупили под элитное жилье. Все коммуналки расселить перекупщикам не удалось: получить согласие на переезд каждого из жильцов пятнадцатикомнатных квартир практически невозможно. Агентства по продаже недвижимости девятикомнатную квартиру в доме Эмира Бухарского площадью 250 кв. м предлагают купить за 22 млн рублей. ■

ДОМ ВЫГЛЯДИТ ЭКЗОТИЧЕСКИМ ДВОРЦОМ